

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

Д. В. Федотов*

Судьба специальных прав юридического лица при его преобразовании

***Аннотация.** В статье делается вывод о том, что субъективное гражданское право, которое в силу закона может принадлежать юридическому лицу только определенной организационно-правовой формы, прекращается при смене юридическим лицом соответствующей организационно-правовой формы. Проанализирована коллизия между п. 5 ст. 58 Гражданского кодекса РФ, в соответствии с которым права и обязанности юридического лица при его преобразовании не изменяются, и п. 1 ст. 296 ГК РФ, согласно которому право оперативного управления может принадлежать только учреждению и казенному предприятию. Доказано, что в п. 5 ст. 58 ГК РФ подлежит ограничительному толкованию и должен распространяться только на обязательственные отношения данного юридического лица. Следовательно, коллизия между п. 5 ст. 58 и п. 1 ст. 296 ГК РФ разрешается в пользу последней нормы. Исходя из принципа диспозитивности, юридическое лицо несет все риски неблагоприятных последствий, вызванных реорганизацией, в том числе связанных с прекращением у него специальных субъективных прав. Прекращение права оперативного управления при смене юридическим лицом организационно-правовой формы коррелирует с общеправовой тенденцией, направленной на сокращение числа случаев использования института оперативного управления в хозяйственном обороте. Основные аргументы сторонников и противников данной точки зрения проанализированы на примере конкретного судебного спора по делу № А60-18402/2015.*

***Ключевые слова:** специальное субъективное право, право оперативного управления, прекращение субъективного права, организационно-правовая форма, реорганизация юридического лица, преобразование юридического лица, неосновательное обогащение, принцип диспозитивности, правовая коллизия, ограниченные вещные права, обязательственные права.*

DOI: 10.17803/1994-1471.2018.93.8.128-136

Некотрые субъективные гражданские права в силу закона могут принадлежать юридическим лицам только определенной организационно-правовой формы. Если такое юридическое лицо осуществляет реорганизацию в форме преобразования и при этом новая организационно-правовая форма юридического лица не предусматривает наличия соответствующего субъективного права, то возникает вопрос: должно ли данное

© Федотов Д. В., 2018

* Федотов Дмитрий Витальевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета
jursila@rambler.ru

620902, Россия, г. Екатеринбург, с. Горный Щит, ул. Старосельская, д. 77

субъективное право сохраняться или же оно прекращается?

Относительно недавно такая ситуация была предметом рассмотрения Верховного Суда РФ (дело № А60-18402/2015¹). В ходе судебного разбирательства лицами, участвующими в деле, а также судами всех инстанций были озвучены основные аргументы сторонников обеих точек зрения, поэтому проблема будет рассмотрена на примере данного судебного дела.

Правовой конфликт между истцом и ответчиком развивался следующим образом. Негосударственное образовательное учреждение «Уральский финансово-юридический институт» (далее — Институт) с 2008 г. владело нежилыми помещениями на праве оперативного управления, о чем имелась соответствующая запись в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним (ЕГРП). Доля в праве общей собственности на данные нежилые помещения в размере ½ принадлежала физическому лицу, которое в 2013 г. внесло ее в качестве вклада в уставный капитал ООО «Лоза». Право общей долевой собственности ООО «Лоза» также было зарегистрировано в ЕГРП. В 2014 г. Институт решением единственного учредителя был добровольно реорганизован в форме преобразования в автономную некоммерческую образовательную организацию высшего образования «Уральский финансово-юридический институт». При этом по данным ЕГРП право оперативного управления за Институтом сохранилось и после преобразования.

ООО «Лоза» обратилось в суд с иском о взыскании с Института неосновательного обогащения. В обоснование иска ООО «Лоза» указало, что согласно п. 1 ст. 296 Гражданского кодекса РФ право оперативного управления может принадлежать только учреждению и казенному предприятию. Поскольку Институт после своей реорганизации к таковым не относится, его

право оперативного управления прекратилось. Следовательно, по мнению истца, с момента реорганизации Институт без правовых оснований пользуется принадлежащим истцу как долевному собственнику имуществом, а значит, имеет место неосновательное обогащение Института за счет истца.

Арбитражный суд Свердловской области отказал в удовлетворении иска, сославшись на то обстоятельство, что за Институт в ЕГРП зарегистрировано право оперативного управления, следовательно, он использовал помещение на законных основаниях.

Семнадцатый арбитражный апелляционный суд отменил решение суда первой инстанции и удовлетворил иск, указав, что Институт как автономная некоммерческая организация не может быть субъектом права оперативного управления.

Арбитражный суд Уральского округа согласился с выводами суда первой инстанции и отменил постановление суда апелляционной инстанции. В постановлении суда кассационной инстанции было, в частности, отмечено, что реорганизация Института не может ухудшать его правовое положение по отношению к третьим лицам.

Основываясь на вышеуказанных судебных актах судов трех инстанций, можно установить основные аргументы сторон. Ключевой довод истца состоял в том, что согласно п. 1 ст. 296 ГК РФ право оперативного управления может принадлежать только учреждению и казенному предприятию. Поскольку Институт после своей реорганизации к таковым не относится, его право оперативного управления прекратилось. Позиция ответчика в основном сводилась к следующим трем аргументам:

1. В соответствии с п. 5 ст. 58 ГК РФ при преобразовании юридического лица одной организационно-правовой формы в юридиче-

¹ Решение Арбитражного суда Свердловской области от 24.04.2017 по делу № А60-18402/2015 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.11.2015 № 17АП-12800/2015-ГК по делу № А60-18402/2015 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 29.01.2016 № Ф09-11038/15 по делу № А60-18402/2015 // СПС «КонсультантПлюс»; определение Верховного Суда РФ от 17.06.2016 по делу № 309-ЭС16-1899, А60-18402/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

ское лицо другой организационно-правовой формы права и обязанности реорганизованного юридического лица в отношении других лиц не изменяются, за исключением прав и обязанностей в отношении учредителей (участников), изменение которых вызвано реорганизацией. Следовательно, после преобразования положение юридического лица не может ухудшиться, а значит, право оперативного управления должно сохраниться за Институтом.

2. Право оперативного управления, принадлежащее Институту, зарегистрировано в ЕГРП и соответствующая регистрационная запись истцом не оспорена.
3. Также ответчик указывал, что право собственности на помещения за физическим лицом в размере $\frac{1}{2}$ доли было зарегистрировано незаконно и поэтому данное лицо не могло передать право собственности истцу, то есть, по существу, ответчик оспаривал титул истца как долевого собственника.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ определением от 17.06.2016 № 309-ЭС16-1899 отправила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по мотиву неверного расчета суммы неосновательного обогащения. Впрочем, такой технический момент, как правильность расчета суммы неосновательного обогащения, не имеет значения для настоящего исследования. Куда важнее правовая позиция Верховного Суда РФ по принципиальному вопросу о возможности сохранения у Института права оперативного управления после реорганизации в форме преобразования. По данной проблеме суд согласился с доводами истца и указал, что Институт все же не является обладателем права оперативного управления. Следовательно, принципиально требования истца о взыскании неосновательного обогащения правомерны. Верховный Суд в своем определении, в частности, указал: «Более того, осуществляя реорганизацию юридического лица, его учредители должны соблюдать требования закона, наделяя юридическое лицо теми правами и обязанностями, которыми

оно вправе обладать согласно его организационно-правовой форме. Несоблюдение учредителем порядка реорганизации, закрепление за вновь созданным лицом имущества на праве оперативного управления в нарушение закона и прав одного из собственников этого имущества не может, соответственно, как ошибочно считает суд кассационной инстанции, нарушать прав ответчика, которого при таких нарушениях закона нельзя признать надлежащим обладателем этого права».

Представляется, что основная правовая проблема при разрешении данного судебного спора и иных подобных казусов сводится к коллизии между п. 5 ст. 58 ГК РФ, в соответствии с которым при преобразовании юридического лица его права и обязанности в отношении других лиц (кроме корпоративных прав и обязанностей) не изменяются, и п. 1 ст. 296 ГК РФ, из которого следует, что право оперативного управления может принадлежать юридическим лицам строго определенной организационно-правовой формы.

При разрешении этой правовой коллизии велик соблазн применить общепринятое правило *lex specialis derogat lex generalis* (лат. — специальный закон отменяет действие общего). Однако на практике определить, какая норма является в данном конкретном случае общей, а какая специальной, непросто. «Следует отметить относительность деления норм на общие и специальные», — справедливо указывает А. Ф. Черданцев². Если рассмотреть п. 5 ст. 58 и п. 1 ст. 296 ГК РФ, то однозначно определить, какая из этих норм является общей, а какая специальной, вряд ли получится.

Думается, что при разрешении данной коллизии необходимо осуществить детальное толкование п. 5 ст. 58 ГК РФ. Следует еще раз обратиться к его тексту: «При преобразовании юридического лица одной организационно-правовой формы в юридическое лицо другой организационно-правовой формы права и обязанности реорганизованного юридического лица *в отношении других лиц не изменяются, за исключением прав и обязанностей в отношении*

² Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. М., 2003. С. 170.

учредителей (участников), изменение которых вызвано реорганизацией (курсив мой. — Д. Ф.)». Обращает на себя внимание оговорка про права «в отношении других лиц». Не проще ли было написать просто «права и обязанности реорганизованного юридического лица не изменяются» без каких-либо оговорок? Ведь, строго говоря, любые права и обязанности возникают в отношении других лиц. Зачем лишние слова в тексте правовой нормы?

Кроме того, законодатель далее в п. 5 ст. 58 оговаривается: «...за исключением прав и обязанностей в отношении учредителей (участников), изменение которых вызвано реорганизацией». То есть явно указано, что *не все права и обязанности реорганизуемого юридического лица остаются неизменными*.

Можно предположить, что под «другими лицами» в контексте данной нормы закона следует понимать должников и кредиторов в обязательственных отношениях реорганизуемого юридического лица. На все прочие разновидности правоотношений этого лица (вещные, корпоративные, административные и т. д.) указанная норма не распространяется. Следовательно, п. 5 ст. 58 ГК РФ нужно трактовать ограничительно.

Стоит привести еще один довод в пользу ограничительного толкования вышеуказанной нормы. Известен следующий казус, возникший в правоприменительной практике: должно ли преобразуемое юридическое лицо уведомлять о начале процедуры своей реорганизации уполномоченный государственный орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, как того требует п. 1 ст. 60 ГК РФ? В соответствии с п. 5 ст. 58 ГК РФ к отношениям, возникающим при реорганизации юридического лица в форме преобразования, правила ст. 60 этого Кодекса не применяются. При буквальном толковании данных норм получается, что обязанность уведомлять уполномоченный государственный орган о начале процедуры своей реорганизации у юридического лица отсутствует. Однако в п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении суда-

ми некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»³ нашла свое отражение прямо противоположная точка зрения: «Согласно абзацу второму пункта 5 статьи 58 ГК РФ к отношениям, возникающим при реорганизации юридического лица в форме преобразования, не применяются положения статьи 60 ГК РФ. Исключением из этого правила является положение пункта 1 статьи 60 ГК РФ об обязанности юридического лица в течение трех рабочих дней после даты принятия решения о реорганизации уведомить уполномоченный государственный орган о начале реорганизации, в том числе в форме преобразования».

Таким образом, правоприменительная практика также следует идее ограничительного толкования нормы, содержащейся в п. 5 ст. 58 ГК РФ.

Возвращаясь к анализу дела № А60-18402/2015, можно выдвинуть следующее возражение на приведенные выше доводы: пусть п. 5 ст. 58 ГК РФ распространяется только на обязательственные отношения реорганизуемого юридического лица, но ведь отношения между истцом и ответчиком в данном деле как раз являются обязательственными — ведь предъявлен иск о неосновательном обогащении. Опровергая данное возражение, нужно отметить, что п. 5 ст. 58 ГК РФ содержит запрет на изменение прав и обязанностей реорганизуемого юридического лица, если такое изменение вызвано *только и исключительно самим фактом реорганизации*. В нашем же случае возникновение обязательства из неосновательного обогащения обусловлено *сложным юридическим составом*, включающим в себя такие юридические факты, как прекращение у ответчика вещного права оперативного управления после преобразования, владение и пользования ответчиком чужим имуществом без правовых оснований. Другими словами, само по себе преобразование ответчика не являлось единственным и достаточным основанием для возникновения отношений, вытекающих из неосновательного обогащения. Следовательно, требование п. 5 ст. 58 ГК РФ не нарушалось.

³ Российская газета. № 140. 30.06.2015.

Думается также, что вывод Верховного Суда РФ о прекращении у ответчика права оперативного управления в полной мере соответствует основным принципам гражданского законодательства. В соответствии с п. 2 ст. 1 ГК РФ граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Характеризуя принцип диспозитивности в гражданском праве, Е. А. Суханов совершенно справедливо указывает: «Такая свобода выбора предполагает инициативу субъектов гражданского оборота в достижении своих целей. Ее оборотной стороной является отсутствие по общему правилу чьей бы то ни было особой, в том числе государственной, поддержки в реализации частных интересов и несение самими участниками риска и всех иных последствий своих действий (как это должно происходить, например, с обманутыми вкладчиками различных финансовых пирамид, гражданами, проигравшими в лотерею или в рулетку, и т.п.)»⁴. Ответчик в данном случае добровольно осуществил реорганизацию в форме преобразования, что и привело в итоге к утрате им специального вещного права. Действуя с необходимой степенью разумности, он должен был предвидеть возможные негативные последствия своей реорганизации.

Здесь напрашивается аналогия с распространенной ситуацией в области жилищных правоотношений. В силу ч. 2 ст. 30 Жилищного кодекса РФ члены семьи собственника жилого помещения имеют право пользования данным жилым помещением наравне с его собственником, если иное не установлено соглашением между собственником и членами его семьи. Согласно ч. 4 ст. 30 ЖК РФ в случае прекращения семейных отношений с собственником жилого

помещения право пользования данным жилым помещением за бывшим членом семьи собственника не сохраняется, если иное не установлено соглашением между собственником и бывшим членом его семьи. Представляется, что данное правило совершенно справедливо, ведь гражданин *самостоятельно* осуществил юридически значимые действия (прекращение семейных отношений), которые привели к лишению его специального права без какой-либо компенсации. Поскольку прекращение семейных отношений зависит от самого гражданина, он в соответствии с принципом диспозитивности должен претерпевать неблагоприятные правовые последствия своего поведения.

Наконец, прекращение права оперативного управления при преобразовании юридического лица оправдано и с точки зрения политики гражданского права. В литературе преобладает в целом негативное отношение к праву хозяйственного ведения и праву оперативного управления как к рудиментам советского права, мало приспособленным к рыночным хозяйственным отношениям⁵. Так, Е. А. Суханов пишет, что сохранение в законе данных вещных прав «свидетельствует о переходном характере нашего правопорядка, в свою очередь, обусловленном переходным характером самой экономики, которая неизбежно, но временно и в модифицированном виде сохраняет определенные элементы прежней хозяйственной системы»⁶. В. А. Дозорцев вообще предлагал радикальное решение проблемы: «В чем же заключается выход из сложившегося положения? Представляется, что решение лежит на пути акционирования. Существующие государственные предприятия могут быть превращены в акционерные общества, все акции которых

⁴ Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М., 2011. Т. 1. С. 76 (автор главы — Е. А. Суханов).

⁵ Обзор точек зрения см.: Берсункаев Г. Э. Правовой режим имущества государственных и муниципальных унитарных предприятий // Правовой режим имущества субъектов предпринимательской деятельности : сб. науч. трудов / отв. ред., сост. В. С. Белых. М., 2006. С. 187—189.

⁶ Российское гражданское право : учебник. С. 605 (автор главы — Е. А. Суханов).

⁷ Дозорцев В. А. Принципиальные черты права собственности в Гражданском кодексе // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика : сборник памяти С. А. Хохлова / отв. ред. А. Л. Маковский. М., 1998. С. 252.

принадлежат государству»⁷. Подобные идеи, связанные с полным отказом от «советских» вещных прав, высказываются и сейчас. Так, по мнению В. Д. Рудаковой, «на сегодняшний день нет препятствий для открытого признания субъектов права оперативного управления собственниками своего имущества, которыми они, по сути своей, и являются»⁸. Конечно, столь кардинальное решение вопроса вряд ли можно считать правильным, но все же постепенное сокращение числа случаев использования конструкции права оперативного управления выглядит вполне разумным. Поэтому можно сказать, что Верховный Суд РФ действовал в соответствии с общеправовой тенденцией, направленной на постепенный отказ от использования возникших в советский период вещных прав, плохо сочетающихся с рыночным характером современной российской экономики.

Подытоживая вышесказанное, следует констатировать, что Верховный Суд в анализируемом деле № А60-18402/2015 верно применил нормы действующего законодательства и обоснованно признал, что право оперативного управления у Института отсутствует.

Верховный Суд также проигнорировал тот факт, что формально право оперативного управления было зарегистрировано за Институтом в ЕГРП, и здесь с судом опять же можно согласиться. Как известно, в российском праве действует «негативная» система регистрации прав на недвижимость. «Регистрационную систему, в которой запись, сделанная в реестре, не имеет силы в случае порока в юридическом основании записи, именуют негативной регистрационной системой. Регистрационную систему, в которой запись, внесенная в реестр, перестает быть связанной со своим юридическим основанием и потому не отпадает только в результате его недействительности, именуют позитивной регистрационной системой», — указывает Р. С. Бевзенко⁹. Таким образом, поскольку Верховный

Суд РФ установил прекращение у Института права оперативного управления после реорганизации, формальное наличие записи о зарегистрированном праве в ЕГРП не имеет правового значения.

Следует рассмотреть также последний довод ответчика, хотя, строго говоря, он лежит уже за пределами темы настоящего исследования. Этот довод состоит в том, что право собственности на помещения за физическим лицом было зарегистрировано, по мнению ответчика, незаконно, поэтому данное лицо не могло передать право собственности истцу. Следовательно, истец является ненадлежащим. Верховный Суд РФ детально этот аргумент не анализировал, ограничившись ссылкой на то обстоятельство, что законность регистрации права собственности уже была установлена решениями судов по другим делам, вступившими в законную силу.

Думается, впрочем, что этот довод ответчика порочен в любом случае. Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ в п. 12 постановления от 17.11.2011 № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды»¹⁰ указал: «Доводы арендатора, пользовавшегося соответствующим имуществом и не оплатившего пользование объектом аренды, о том, что право собственности на арендованное имущество принадлежит не арендодателю, а иным лицам и поэтому договор аренды является недействительной сделкой, не принимаются судом во внимание». В нашем случае, конечно, договора аренды нет, но с экономической точки зрения отношения между истцом и ответчиком являются арендными, поэтому представляется допустимым использовать данную правовую позицию по аналогии. Попытка ответчика опровергнуть право собственности истца преследует за собой явно недобросовестную цель избежать оплаты фактического пользования чужим имуществом, поэтому соответствующий довод

⁸ Рудакова В. Д. Права на имущество публичных юридических лиц // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 5. С. 824—825.

⁹ Бевзенко Р. С. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество: проблемы и пути решения // Вестник гражданского права. 2011. № 5. С. 6.

¹⁰ Вестник ВАС РФ. 2012. № 1.

следует квалифицировать как явное злоупотребление правом.

Анализ определения Верховного Суда РФ от 17.06.2016 по делу № А60-18402/2015 приводит А. Н. Латыев¹¹. Он рассматривает два возможных варианта разрешения правового конфликта: сохранение за ответчиком права оперативного управления и «конверсия» права оперативного управления в право собственности. Первый вариант сам же А. Н. Латыев считает неоптимальным: «Все-таки сохранение специфического вещного права у лица, не способного им обладать, должно быть предусмотрено законом». Что касается второго варианта, то здесь автор ссылается на использование соответствующего подхода в законодательстве о приватизации государственного и муниципального имущества: «Так, при приватизации путем преобразования государственных и муниципальных унитарных предприятий вновь создаваемые АО и ООО становятся собственниками имущества, ранее находившегося в хозяйственном ведении или оперативном управлении». Такое предложение на первый взгляд выглядит заманчивым. Как правильно отмечает Д. И. Романенко, «с помощью аналогии права решается задача упорядочивания общественных отношений в условиях пробела в праве»¹². Однако в данном конкретном случае об аналогии общественных отношений говорить не при-

ходится. Ведь при приватизации законодатель решал весьма специфическую задачу перевода экономики с административно-хозяйственных на рыночные рельсы, а потому сознательно стремился к «конверсии» права хозяйственного ведения и права оперативного управления в право собственности. Такой специальной цели в нашем случае явно нет: ни истец, ни ответчик никоим образом не заинтересованы связать себя отношениями участия, поэтому об аналогии здесь речи не идет. В целом можно сказать, что идея А. Н. Латыева представляет интерес *de lege ferenda* (лат. — с точки зрения закона, принятие которого желательно), но вряд ли ее использование уместно при разрешении конкретного правового спора в суде.

В качестве основного вывода настоящей статьи следует еще раз повторить, что норму, содержащуюся в п. 5 ст. 58 ГК РФ, в соответствии с которой при преобразовании юридического лица его права и обязанности в отношении других лиц не изменяются, следует толковать ограничительно. Указанная норма касается только обязательственных отношений реорганизуемого юридического лица со своими кредиторами и должниками. Все прочие специальные гражданские права, которые не могут принадлежать юридическому лицу после его реорганизации в силу закона, в частности право оперативного управления, должны прекращаться.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бевзенко Р. С. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество: проблемы и пути решения // Вестник гражданского права. — 2011. — № 5. — С. 4—30.
2. Берсункеев Г. Э. Правовой режим имущества государственных и муниципальных унитарных предприятий // Правовой режим имущества субъектов предпринимательской деятельности : сб. науч. трудов / отв. ред., сост. В. С. Белых. — М., 2006. — С. 185—225.
3. Дозорцев В. А. Принципиальные черты права собственности в Гражданском кодексе // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика : сборник памяти С. А. Хохлова / отв. ред. А. Л. Маковский. — М., 1998. — С. 228—271.

¹¹ Латыев А. Н. Универсальное правопреемство vs общее имущество супругов: побеждает регистрация. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 17.06.2016 № 309-ЭС16-1899 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 9. С. 12.

¹² Романенко Д. И. Аналогия в системе российского гражданского права // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 9. С. 79.

4. Латыев А. Н. Универсальное правопреемство vs общее имущество супругов: побеждает регистрация. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 17.06.2016 № 309-ЭС16—1899 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2016. — № 9. — С. 9—15.
5. Романенко Д. И. Аналогия в системе российского гражданского права // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 9. — С. 76—80.
6. Российское гражданское право : учебник: в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. — 2-е изд., стереотип. — М., 2011. — Т. 1. — 958 с.
7. Рудакова В. Д. Права на имущество публичных юридических лиц // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 5. — С. 821—827.
8. Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. — М., 2003. — 381 с.

Материал поступил в редакцию 15 ноября 2017 г.

THE FUTURE OF THE LEGAL ENTITY SPECIAL RIGHTS WHEN IT IS REORGANIZED

FEDOTOV Dmitriy Valerevich — PhD in Law, Senior Lecturer of the Chair of Civil Law of the Ural State Law University
jursila@rambler.ru
620902, Russia, Ekaterinburg, s. Gornyy Shchit, ul. Staroselskaya, d. 77

Abstract. *The article concludes that the civil right that by virtue of law can be assigned to a legal entity of a certain organizational and legal form terminates when a legal entity changes its organizational and legal form. The author analyzes the conflict between Para. 5 of Art. 58 of the Civil Code of the Russian Federation, according to which the rights and obligations of the legal entity when it is reorganized do not change, and Para. 1 of Art. 296 of the RF Civil Code, according to which the right of operational management can belong only to an entity and state enterprise. It is proved that Para. 5 of Art. 58 of the Civil Code of the Russian Federation is subject to restrictive interpretation and applies exclusively to the obligations of the legal entity in question. Consequently, the conflict between Para. 5 of Art. 58 and Para. 1 of Art. 296 of the RF Civil Code is resolved in favor of the latter rule. Due to the principle of free exercise of rights, a legal entity bears all risks of adverse consequences caused by reorganization, including consequences associated with the termination of specific legal rights. Termination of the right of operational control when a legal entity is replaced by an organizational and legal form correlates with the general legal tendency aimed at reducing the number of cases of using the institute of operational management to govern economic transactions. The main arguments of supporters and opponents of this point of view are analyzed on the example of a specific dispute in case No. A60-18402/2015.*

Keywords: *Specific legal right, right of operational control, termination of a legal right, organizational and legal form, reorganization of a legal entity, transformation of a legal entity, unjust enrichment, principle of free exercise of rights, conflict of law, limited property rights, rights under obligations.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bevzenko R. S. Gosudarstvennaya registratsiya prav na nedvizhimoe imushchestvo: problemy i puti resheniya // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2011. — № 5. — С. 4—30.

2. *Bersunkaev G. E.* Pravovoy rezhim imushchestva gosudarstvennykh i munitsipal'nykh unitarnykh predpriyatiy // Pravovoy rezhim imushchestva sub"ektov predprinimatel'skoy deyatel'nosti : sb. nauch. trudov / otv. red., sost. V. S. Belykh. — M., 2006. — S. 185—225.
3. *Dozortsev V. A.* Printsipial'nye cherty prava sobstvennosti v Grazhdanskom kodekse // Grazhdanskiy kodeks Rossii. Problemy. Teoriya. Praktika : sbornik pamyati S. A. Khokhlova / otv. red. A. L. Makovskiy. — M., 1998. — S. 228—271.
4. *Latyev A. N.* Universal'noe pravopreemstvo vs obshchee imushchestvo suprugov: pobezhdaet registratsiya. Kommentariy k opredeleniyu Sudebnoy kollegii po ekonomicheskim sporam VS RF ot 17.06.2016 № 309-ES16—1899 // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2016. — № 9. — S. 9—15.
5. *Romanenko D. I.* Analogiya v sisteme rossiyskogo grazhdanskogo prava // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2016. — № 9. — S. 76—80.
6. Rossiyskoe grazhdanskoe pravo : uchebnik: v 2 t. / otv. red. E. A. Sukhanov. — 2-e izd., stereotip. — M., 2011. — T. 1. — 958 s.
7. *Rudakova V. D.* Prava na imushchestvo publichnykh yuridicheskikh lits // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2014. — № 5. — S. 821—827.
8. *Cherdantsev A. F.* Tolkovanie prava i dogovora. — M., 2003. — 381 s.